ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК А. Н. ТОЛСТОГО ВОЕННЫХ ЛЕТ

Вступительная статья и публикация Г. П. Трефиловой

В толстовском фонде ИМЛИ, среди документов периода Великой Отечественной войны: сценарных набросков, семейной и деловой корреспонденции, писем читателей, стенограмм бесед, вариантов статей и выступлений, дневниковых «Записок о войне» ст. лейтенанта 21 танковой бригады 21 мотополка И. Ф. Титкова¹ и других материалов — сохранились на разрозненных листках отдельные рабочие заметки самого Толстого, по содержанию датируемые 1941 г.², а также три небольшие цельные записные книжки. В соответствии с географией и хронологией упоминаемых событий их удобно было бы называть Калужской (1942), Сталинградской (1942—1943) и Харьковской (1943). Калужскую записную книжку мы воспроизводим полностью, другие записные книжки и заметки 1941 г. — выборочно во вступительной статье, — продолжив тем самым разыскания ученых-исследователей творчества Толстого, а также материалы «Литературного наследия» и других изданий, публиковавших записные книжки, дневники, заметки советских писателей военной поры³.

По свидетельству его биографа Ю. А. Крестинского, Толстой не испытывал к своим записным книжкам никакого почтения, относился к ним сугубо прагматически, заполнял, не датируя, от случая к случаю, больше, как правило, доверяя собственной памяти да «магическому кристаллу» творческой фантазии. Он справедливо полагал, что мало кому нужен писатель, «который тащится с фотографическим аппаратом за нашими буднями»⁴.

Но таковы уж были время и личность автора, что за каждым фактом, за каждой мельком упомянутой фамилией, торопливо занесенной на малоформатные странички, порой наскоро прошитые «от руки», нам видятся теперь события исторического значения и характеры людей воистину героического склада.

Канун войны застаёт Толстого, только что завершившего трилогию «Хождение по мукам», в расцвете сил и размахе планов. Он не знал тогда, что сил и здоровья ему хватит всего на три с половиной года и что прежние планы вскоре придется перечеркнуть. В заметках 1941 г. писатель как бы провозглашал здравицу за тех, «кто весь свой душевный мир героически упрощает и обостряет в удар ненависти»⁵. Он не исключал себя из их числа; в его устах эти слова были не риторической фигурой, они обозначили решающий поворот судьбы, открыли новый этап его творчества.

В отличие от многих писателей, ставших военными корреспондентами, Толстой не подлежал призыву в действующую армию, но с первого дня боев, с первых своих статей «Что мы защищаем» (10, 470) в «Правде» от 27 июня и «Армия героев» в «Красной звезде» от 9 июля 1941 г.⁶ считал себя мобилизованным; и, конечно, есть своя закономерность в том, что он остался в истории нашей литературы крупнейшей фигурой, заложившей основы советской художественной публицистики военных лет.

Толстой живет сначала в Москве и в Барвихе; перебирается оттуда под Горький, затем в Куйбышев, Ташкент; возвращается в Москву. Он совершает несколько важных для него поездок, выступает с речами и докладами, встречается с кадровыми рабочими горьковского завода «Красное Сормово», с кол-

хозяевами Ферганы, беседует с летчиками Подмосквья, бойцами 1-го гвардейского кавалерийского корпуса, курсантами спецшколы Западного фронта, позже — участвует в расследовании фашистских зверств на освобожденной от врага территории, а в поездках делает в записных книжках «карандашные зарубки» на память ⁷.

Три первых года войны — три эпохальных ситуации, приковавших внимание Толстого: осенне-зимнее сражение за Москву, разгром фашистских войск под Сталинградом, битва на Курской дуге с ее победным финалом — освобождением Харькова. Отрывочный, «телеграфный» стиль заметок писателя запечатлевает и четкость, и перебои ритма напряженной умственной работы, особенно в решающие моменты определения наиболее результативной собственной программы действий.

При всей насыщенности, содержательности его работы, при всей его моральной подготовленности к ней нельзя не заметить отраженного в записных книжках драматизма внутренней творческой перестройки Толстого: ему, как и каждому из его современников, предстояло «переворужиться» и духовно собраться в кратчайшие сроки, надо было от многого отказаться ради неотложных задач текущего дня. Так остался в набросках 1941 г. давно вынашиваемый Толстым — педагогом и просветителем перспективный план изданий советской детской литературы ⁸. Свой обращенный в будущее план он положил в основу работы 1943 г. — «Книжки для детей» ⁹, но осуществиться все это могло лишь значительно позже. А тогда, задумывая статью «Советским детям» ¹⁰, Толстой намеревался сказать пионерам и школьникам страны об ином: о величайшей степени бесстрашия и героической доблести советских пехотинцев, летчиков, танкистов, артиллеристов, о стойкости защитников Ленинграда и первом контрударе наших войск под Ельней, откуда в конце лета 1941 г. «Гитлер готовил сокрушительный удар по Москве» и где было «разгромлено восемь германских дивизий, то есть уничтожена нами целая вражеская армия» ¹¹. В пометках статьи Толстой записывает: «Мы одни приняли удар сил, предназначенных для завоевания мира. На ноги поставлено все человечество. Все флоты, вся техника. Чтобы дать время мобилизоваться всему миру, — Красная Армия выдерживала удары» ¹².

Писатель спешит завершить пьесу «Иван Грозный», усиленно работает над киносценарием «Рейд Н-ской дивизии» (одна из глав была опубликована в «Красной звезде» 18 сентября 1941 г.), но остается недоволен сделанным. Еще выверяется в записях 1941 г. имя героини-партизанки: Нина? или Зина?; еще только в общих контурах обозначаются роли персонажей сценария, место будущих размышлений об искусстве, любви, морали, «о родине, об Отечестве, о России...» ¹³. Но события опережают сценарные пометки, и в записной книжке 1941 г. появляется вдруг одно лишь слово — «Ответственность». Один лозунг — «Сейчас или никогда!», одна фраза — «Воины Советской России! Спасите мир!». Всепоглощающее чувство исключительной опасности момента и грандиозности задачи могло вызвать лишь самую естественную реакцию — гражданственно-патриотического воодушевления — и самый органичный творческий «жест» — патетически-ораторский, подтверждаемый конкретностью последующего поступка: содействием армии, посильной помощью фронту. Писатель отчислял денежные средства «на подарки бойцам», «в помощь детям фронтовиков», «на оружие», «на танковую колонну „Работник печати“», на «танк „Грозный“». В архиве остались бланки, расписки, рас-

поряжения. Но главным, что он мог отдать и отдал «в фонд обороны», было его слово трибуна, звучавшее со страниц «Правды», «Красной звезды» и по Всесоюзному радио ¹⁴.

Отзывчивость широкой народной аудитории (а именно к ней обращался Толстой) бывает поразительна: в чрезвычайных, казалось бы, обстоятельствах все же найдутся люди, эмоционально вовлеченные, втянутые в «магнитное поле» страстной писательской мысли настолько, чтобы откликнуться на нее — хотя бы кратко и наскоро — неровно исписанной открыткой, солдатским треугольничком «полевой почты»:

«Мне некогда писать Вам много, я занят борьбой и работой на фронте. Но не написать Вам ничего не могу. Я в каждой газете, в каждом печатном листке ищу Ваши статьи. Они сильны, как наше оружие. Они так же, как наши винтовки, пулеметы и пушки, уничтожают фашизм. Я на разорванном клочке земли с жадностью и слезами читал Вашу статью „Лицо гитлеровской армии“, ее я прочел не менее 200 красноармейцам. (...) Если не разберете — извините. Пишу наскоро в лесу на пне» ¹⁵. «Сейчас прослушал Ваше замечательное выступление по радио. Надо, чтобы оно немедленно попало в печать. Такой материал — клад для агитатора Красной Армии» ¹⁶. «...слушая Вас, так хотелось Вас благодарить за сердечное, теплое русское слово. Выражаю желание и надежду моей небольшой семьи, а также и многих миллионов (не ошибусь) слушать Вас чаще» ¹⁷.

Речь Толстого была нужна. И ему нужно было об этом знать. Ведь давалась она ему нелегко. Напряженно-гражданственный, пафосный язык его выступлений не был дан писателю изначально, а творился им заново, из крутого замеса литературного сказа и обязывающего стиля официальных документов, из торжественной архаики древних летописных речений и устной разговорной фразологии. Так написана его небольшая статья — знаменитая «Родина». Смело сближая отдаленные понятия, пользуясь контрастными сопоставлениями различных словесных рядов, писатель создает стилевой сплав повышенной прочности, где единая речевая стихия органично вбирает в себя любой элемент живого литературного языка: интимно-домашний («сверчок», «гнездо», «пахнувший ржапым хлебом дымок из занесенной снегом избы») — и взывающий к «преданьям старины глубокой» («пращур наш, глядя посолонь»); абстрактно-обобщенный («движение народа по своей земле из глубин веков к желанному будущему») — и конкретно-политический («Германия — это только фабрика военных машин и место формирования пушечного мяса»); вульгарно-бранный («грязны, как бумажные деньги в руках аферистов и прочей международной сволочи») — и торжественно-высокий («Как будто тени минувших поколений обступили Москву и ждут от нас величия души и велят нам: „Свершайте!“»)...

В статье «Огненная публицистика», опубликованной под рубрикой «К 40-летию Победы» в газете «Московский литератор» 29 июня 1984 г., Д. И. Ортенберг пишет: «Особенно запомнилась статья Толстого „Родина“, образец блистательной публицистики времен Великой Отечественной войны; ее до сих пор читают со сцены как поэтическое произведение. Ее величавый, былинно-эпический слог волновал душу, звал на смертный бой с врагами.

Пророческие слова Толстого „Мы сдюжим!“ стали символом жизни и борьбы советских воинов в дни сражений за Москву. Эти слова я потом читал в заголовках и „шапках“ фронтовых и армейских газет, на транспарантах по

дорогам войны; они звучали как клятва в бою на собраниях и на митингах защитников столицы — везде, где шла смертельная борьба с фашистами».

Но был еще один, важнейший залог писательского авторитета Толстого, уважения и доверия к нему со стороны действительно миллионов читателей. Зафиксированные в записных книжках военных лет предварительные стадии литературной работы писателя показывают, что основой основ для него всегда оставалось уважение к реальному факту. Вот почему в заметках тех лет писатель предстает перед нами чаще всего в неожиданном качестве дотошного корреспондента, цепкого, внимательного репортера, скромного исторического хрониста. Самым доскональным образом он фиксирует эпизоды, штрихи, настроения, характеризующие будни небывалой войны.

Известно, например, как сильно досадил писатель Геббельсу, сорвав демонстрируемую на международной политической арене официальную маску благообразия с «лица гитлеровской армии»¹⁸. Берлинское радио тщетно исхищрялось уличить Толстого во лжи. Тщетно по многим причинам и, в частности, потому, что требование необходимой точности знания было частью черты, отличавшей самую плодоносную ветвь нашей культурной традиции: М. М. Пришвин определял ее, исходя из собственной творческой практики, как «смирение художника перед правдой»¹⁹.

Явлением той же природы, того же исходного импульса была и публикуемая нами записная книжка, пронумерованная и заполненная Толстым до страницы 106 за время его поездки в Калугу и в Боровск Калужской области 23 июля 1942 г. Отмеченные в ней события охватывают период с января по июнь 1942 г. и составляют один из тысячи боевых эпизодов, сложившихся в конечный успех грандиозной битвы за Москву.

Среди тех, с кем встретился Толстой в поездке тогда — в прифронтовых районах, всего полгода как освобожденных от врага, его интересовали участники партизанской борьбы в Смоленском крае и особенно — так называемого рейда 1-го гвардейского кавалерийского корпуса под командованием генерала П. А. Белова²⁰ по тылам противника. Их рассказы, а также некоторые дорожные впечатления автора и переданы в отрывочных заметках Толстого. За прошедшие десятилетия к эпопее беловцев обращались авторы многих научных трудов, архивных разысканий, художественных произведений, военных мемуаров²¹. Чем детальнее сопоставляешь Калужскую книжку Толстого с этим материалом, тем больше оснований рассматривать ее в качестве достоверного исторического документа. Если же соотнести ее, как один из основных источников, с толстовскими «Рассказами Ивана Сударева», то творческая работа писателя предстанет в таких ее стадиях и состояниях, которые сами по себе далеко не всегда оставляют легко фиксируемый наблюдателем след. Чутье романиста-историка не обмануло Толстого: он был одним из первых, кому открылись в уникальной ситуации беловского рейда и наглядность урока, и возможность обобщений, и дух современного эпоса.

После успешных действий в районе Серпухова и Каширы 1-й гвардейский кавалерийский корпус должен был в декабре 1941 г. вместе с другими частями Красной Армии перейти на Западном фронте к развернутым наступательным операциям. Но вырвавшиеся вперед вместе со штабом части корпуса оказались никем не поддержаны с флангов, и за ними сомкнулся вражеский фронт²². Далее все зависело от мужества кавалеристов, от их готовности бороться до конца в любых условиях, от военного искусства их командиров.

По свидетельству генерала Белова²³, из 28 тыс. его бойцов на территории противника углубилось 7 тыс. человек (остальные отряды, после неудачных попыток воссоединения, образовали 2-й кавалерийский корпус под командованием генерала Плиева, прошедший войну своим боевым маршрутом).

Особенно сложной задачей было преодоление Варшавского шоссе, важнейшей и сильно укрепленной коммуникации немецких войск,— рокового, для многих смертного рубежа. Дважды, в начале и в конце своего похода, с жестокими боями пересекали шоссе отряды конногвардейцев²⁴.

Книга воспоминаний П. А. Белова, где, кстати, он сообщает и о калужской поездке Толстого²⁵, завершается словами о том, что, вероятно, для кавалерии Великая Отечественная война была замечательно спетой «лебединой песней»²⁶. Непосвященному человеку трудно даже вообразить картину лихой кавалерийской атаки «с саблями наголо» против пушек и танков. Но в записях Толстого больше сказано как раз о другом: о боевой инициативе танкистов, пулеметчиков, артиллеристов, автоматчиков, парашютистов, лыжников, летчиков, стрелков,— потому что корпус уже вначале представлял собой мобильное и сложное войсковое соединение, сила и жизнеспособность которого заключались в маневренности, умении воевать спешным строем, появляться неожиданно и затем быстро скрываться в болотистых и лесистых местах. Кроме того, продуманные и дерзкие операции беловцев на временно скопированной врагом территории под Ельней, Вязьмой и Спас-Деменском, близ самого сердца страны, были вскоре скоординированы с действиями местных партизан, рассеянных групп авиадесантников и отдельных частей нашей армии, попавших в окружение во время оборонительных боев под Смоленском, Тулой, Веневом и Малоярославцем. Из отрядов народного ополчения, истребительных батальонов, групп самозащиты на Смоленщине уже с июля 1941 г. начали формироваться партизанские отряды, в том числе и упомянутый у Толстого отряд — впоследствии полк — имени Сергея Лазо²⁷. На Смоленщине «постепенно стал создаваться освобожденный от врага партизанский край», еще точнее — два партизанских края: Дорогобужский и Ельнинский²⁸. А. Ф. Юденков, комиссар отряда имени Сергея Лазо, привел в своей книге отрывок из вышедшей у нас в 1956 г. в переводе с немецкого книги западногерманского исследователя Курта Типпельскирха «История второй мировой войны»: «В тылу немецких армий русские планомерно вели партизанскую войну. Особенно беспокоящие очаги партизанского движения находились юго-восточнее Смоленска и по обе стороны Вязьмы. Для борьбы с ними в мае пришлось даже снять с фронта два армейских корпуса в составе нескольких пехотных и одной танковой дивизии. Русский генерал Белов имел в одном лишь районе Ельни 20 тысяч человек, которые постоянно угрожали коммуникациям 4-й армии... Приходилось все время для борьбы с партизанами снимать с фронта боевые части»²⁹.

Но боевые действия партизан и конногвардейцев осуществлялись в неизменно тяжелых условиях, каждый шаг вперед был смертельно опасен, каждая успешная операция вызывала ярость и ответные акции противника. «Только героизм и беззаветное мужество бойцов и командиров давали нам возможность хоть и медленно, но все же продвигаться вперед... За время рейда выбыло из строя восемьдесят процентов командного состава», — вспоминал генерал Белов³⁰.

С конца мая по июнь 1942 г. шли бои на прорыв, и снова решающим

рубежом было Варшавское шоссе. Недаром в записях Толстого зимние и летние эпизоды борьбы за «Варшавку» то и дело чередуются. Угрозу несли не только наземные фашистские войска и непрерывные налеты с воздуха, но и потеря сил от усталости и голода: «продукты кончились, а достать их негде — деревни вокруг заняты противником»³¹.

В соответствии с директивой советского командования поиски путей вывода регулярных армейских частей из рейда должны были осуществляться под прикрытием партизанских заслонов. Три коротких строки Калужской книжки Толстого, всего несколько слов («Вышли на территорию партизанов Лазо. Отдохнули») обрастают у А. Ф. Юденкова подробностями, цифрами, датами: «...партизанам было приказано обеспечить переход и отдых бойцов Белова: разминировать полосу, перерезать большак Ельня — Починок...»); «...партизаны-лазовцы в этих боях потеряли убитыми около 700 своих боевых друзей, а раненым не было числа... В ночь с 15 на 16 июня последняя рота лазовцев прикрывала партизанский аэродром в Мутище, с которого на Большую землю улетело около 20 самолетов». Оставшиеся в живых, вместе с ранеными («до двух тысяч партизан»), еще продолжали сражаться «с августа по ноябрь 1942 года»³².

С особой теплотой позже писал о завершении рейда маршал Г. К. Жуков: «Вышли они крайне усталыми. Но какой радостью была встреча тех, кто вырвался из тыла врага, и тех, кто с фронта обеспечивал их выход! Бойцы и командиры не стыдились своих слез,— это были слезы радости и братской дружбы наших воинов»³³.

Глубоким и сильным оказалось эмоциональное воздействие этого события на Толстого. Практический результат — публикация в «Красной звезде» уже через две недели, с 14 по 28 августа, первых пяти «Рассказов Ивана Сударева»³⁴. Но не оперативность использования материалов поездки, хотя она замечательна даже для Толстого, а сам замысел и некоторые особенности его реализации — вот что достойно внимания; в истории рейда писатель увидел возможность художественно реализовать свое представление о народно-эпическом характере советского солдата.

В опыте беловцев Толстому представлялась особенно убедительной материализация изначально владевшей им идеи одолимости врага: «нацистский характер: с виду каменный, но истерический и хрупкий, если ударить по фашисту с достаточной решимостью»³⁵. Но идея не существовала на абстрактно-обобщенном уровне, она требовала от художника «персонального опознания» тех, кто жил и умирал, побеждая; и в Калужскую книжку вносятся все новые имена, более трех десятков имен: старшина Москалев, повар Фимин, красноармеец Колесников, Князев — «плясун. Любимец. Весельчак...»

Направление поиска уточняется. Вог сверху на обороте листа: «Сударев...» Запавшие в сознание черты личности одного из собеседников; рассказы о начальнике конной разведки Кононепко; боевая биография погибшего на Варшавке Верегитина, о котором в корпусе ходили легенды — выявляется общность индивидуальностей и судеб этих людей, нечто родственное лейтенанту И. Ф. Титкову и героям его дневниковых «Записок о войне»: майору Майорову («спокойный, смелый и решительный, собирались партизанить вместе»³⁶), лейтенанту Моисееву. Знаменательно также сходство интонации Сударева-рассказчика: «А у немецких летчиков, у желтогубых мальчишек,

особенный спорт пикировать до бреющего полета на бегущую без памяти женщину с ребенком» (10, 614) — и автора «Записок о войне»: «Жители плохо знали фашистов, и конечно, свишью не словили, а немцы народ исполнительный, им спалить русскую деревню ничего не составляет; и спалили...»

В работе писателя-реалиста трудно переоценить значение верно угаданного характера: он очертит обстоятельства, даст ход сюжету, определит и жанр. В предчувствии близкого решения творческой задачи Толстой задумал рассказ, а там — цикл, а там... — кто знает? Общая направленность литературных устремлений автора в «Рассказах Ивана Сударева» обозначалась достаточно четко: образное постижение подвига воюющего народа. Принципиальным было то, что, во всех рассказах цикла место былинно-плакатного богатыря прочно заняла фигура реальных человеческих измерений — советский солдат: был намечен наиглавнейший отправной рубеж, от которого двигались тогда талантливые советские драматурги, поэты, прозаики. Ведь и частушечному балагуру Васе Крючкину, добром помянутому Александром Твардовским среди вдохновителей его работы, суждена была основательная закалка в исторических и литературных горнилах, прежде чем он начал припимать всем теперь знакомый облик Василия Теркина в те же летне-осенние месяцы 1942 г.

Исходный, в том числе калужский, материал толстовских рассказов неизбежно содержал зерна определяющей для советской литературы тех лет проблематики, характерной и для «Непокоренных» Б. Горбатова, и для «Радуги» В. Василевской, и для будущих партизанских эпопей Д. Медведева и П. Вершигоры. Так трагическая тема невиновных жертв, которые вызывают к отмщению («Нина»), врывается в «Рассказы Ивана Сударева» прямо из дневника И. Ф. Титкова: «27.VII.41 г. (...) Сегодня я вспомнил смерть лейтенанта Моисеева. С тех пор, как только началась война, много раз мы видели смерть. Умирали незаметно, но умирают и в больших мучениях... Лейтенант Моисеев умер дважды. Трудная у него была смерть, труп жены и живая дочь, найденные нами при отходе на берегу р. Немана, сломили его волю к борьбе, он бросался в огонь и в воду, сам искал смерти и нашел ее... Не могу уснуть, где моя семья... Мысленно я представляю свою дочурку Нину, одну сидящей у трупа погибшей матери...»³⁷.

Душу писателя неотступно берedit мысль о растоптанном, обездоленном, украденном детстве, даже много лет спустя не нашедшая в нашем искусстве исхода и успокоения (вспомним рассказ В. Богомолова «Иван», повести В. Козько, фильм «Подрапки» и др.). Характерно, каким образом, перенося краткую запись Калужской книжки «Высылали диверсионные группы на ж(елезную) д(орогу)» в «Рассказы...» («Движение по железной дороге прекратилось, — путь был загроможден подорванными на минах паровозами и вагонами, вставшими дыбом друг на друга...» — 10, 605), Толстой далее развертывает упоминание об одной из таких операций в картину. Он рисует крушение поезда подробно, зрительно-четко и предельно-отчужденно, без каких бы то ни было эмоций и психологических деталей, даже когда описывает, как из опрокидывающихся вагонов «с воплями посыпались серо-зеленые человечки...». Эта крайняя степень эмоциональной оглушенности мотивирована и боевым заданием партизан-мстителей, и особенно — точкой зрения мальчика с лицом в морщинах, на глазах которого в сарае были сожжены мать, сестренка и бабушка (10, 621).

В записной книжке Толстой одним словом «Папашка» пометил эпизод, превращенный им в полную зловещего напряжения и смертельной опасности «Странную историю» (10, 616—628), где внутренний и внешний облик маленькой связной, девочки Анны, также пестит на себе проклятое клеймо детского ожесточения. А вместе с образом ее отца, некогда раскулаченного Петра Филипповича Горшкова, «бургомистра» села Медведовки, оказавшего содействие партизанам и подвергнутого пыткам его «хозяевами»-карателями, в «Рассказах Ивана Сударева» появляются мотивы «трудных судеб», с тех пор и поныне, от леоновского «Нашествия» и шолоховской «Судьбы человека» до пьес, повестей, романов В. Распутина, В. Быкова, Ю. Бондарева, Ч. Айтматова, Д. Гранина и А. Адамовича, способствующие углубленному раскрытию сущности человека в нечеловеческих ситуациях насилия, предательства, кровавых расправ и т. д.

Первоначальное заглавие цикла — «Рассказы бывалого кавалериста» — предполагало разговорно-сказовую интонацию, которую нетрудно расслышать в первом рассказе («Ночью, в сенах, на сене»): «Давеча вы правильно заметили...» (10, 592). Но едва обозначенная в «Нисе» и — позже — в начале «Русского характера», она исчезает в других рассказах («Как это началось», «Странная история»). Само заглавие сменяется более нейтральным. В стилистике цикла можно заметить то элемент хроники в духе Калужской записной книжки, то фрагмент дневника, близкого к «Запискам о войне» И. Ф. Титкова, то отзвук устных рассказов партизан и бойцов, то патетическую интонацию статей самого автора: «Святыни русские, взорванные немцами, размахивают колокольными языками» (10, 596—597).

В те же дни августа 1942 г. Толстой пишет серию новых статей для «Правды»: «Упорство», «Смерть рабовладельцам!», «Самоотверженность»³⁸. К рассказам он возвратится нескоро, спустя более чем полгода, и уже с иным рабочим настроением — психологический подъем, наметившийся после калужских впечатлений, был упрочен обнадеживающим исходом сталинградских «дней и ночей»: «Сталинград — это сжатая в огромный кулак рука Советского народа, который бьет и бьет и перемалывает в кровавое месиво фашистские дивизии», — писал Толстой в ту осень о городе, где, «отбрасывая бешеные натиски и наезды врага», «Красная Армия точно по колено вросла в землю»³⁹.

В творческом опыте Толстого далека была от умозрительности характерная для нашей литературы сопряженность понятий *художник* и *народ*; общность переживаний и оценки происходящих в стране событий скрепляла их особенно прочно и органично.

Есть, например, в «Рассказах Ивана Сударева» реплика Василия Васильевича Казубского, обрадованного вестью о поражении врага под Москвой: «Капитолина Ивановна, оставьте уныние, заводите блины» (10, 596). Эти блины запомнились Толстому еще в калужской поездке из разговора со стариком на завалинке. Та же реплика, словно память и отзвук надежды на возврат мира и благополучия, упорно перекочевывает в его новую, Сталинградскую, записную книжку 1942—1943 гг. Интересно, что даже внешний вид новой книжки, нарядного английского сувенира, купленного до войны во время заграничной поездки: шегольская светло-коричневая обложка тисненой кожи, никель металлических скреп, внушительные габариты, — резко контрастирует с непрезентабельностью Калужской «самоделки», не говоря уж о том,

что общий тон записей здесь заметно иной. В Сталинградской записной книжке, зафиксировавшей преимущественно впечатления от военных событий под Сталинградом, Ленинградом и на Северном Кавказе, наблюдения Толстого становятся психологически более тонкими, детали — более яркими, некоторые эпизоды приобретают вид зарисовок, этюдов с натуры, небольших законченных картин. Изначальная образность придает им характер фрагментов художественной прозы:

«На Украине. Над горящим селом (ночью) кружатся большие черные тени аистов». «Под Сталинградом. При переправе, в сумерки, на понтонах вода кипела от снарядов и бомб так, что дно было видно». «Дети войны: девочка — „Чижик“ с „Малой земли“, доярка, переброшенная, как рассказывал Д. И. Ортенберг, под Новороссийск вместе с коровой „для больного желудком командующего“. Трехгодовалый малыш, подкармливаемый солдатами: „Вы по ложке не доедите, а я — сыт“»⁴⁰.

Советские войска переходили в наступление на всех фронтах, однако до конца войны было еще далеко, и правое она не смягчала. Толстой затрагивает в этой книжке тему возмездия за предательство, измену, не минуя свидетельств о зверски замученных жителях Северного Кавказа, куда он вылетел как член Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию немецко-фашистских злодеяний:

«Кисловодск. (...) Жена профессора Кауффмана (немка) пошла просить за мужа. (Перед самым бегством немцев). Пришли с дочерью и внучкой. Их всех убили на Кольце-горе. Дочь скальпировали». «В Минеральных Водах. Немец тащит двух рахитичных детей. Надоело. Застрелил»⁴¹.

С неизменным интересом вглядывается Толстой в отличительные черты советского солдата, будь то прославленные летчики И. А. Покрышкин и Б. Б. Глинка, для которых «в воздушном бою нет шаблона. Каждый бой — новый. Каждый бой — искусство», или генерал Д. Д. Лелюшенко, которому «для командования нужно только — яма да телефон. А штаб — в кустах», или рядовой пехотинец: «Как наскочил один в разведке на 4 немцев и — сразу в позицию с винтовкой, одного штыком, другого прикладом, отбил нападение, защитись, и снова штыком и прикладом»⁴².

Сосредоточенно-суровый, максимально информационный (имена, цифры, перечисление потерь и трофеев), порой патетический стиль записей о гвардейцах Белова заметно отличается от более разнообразных по тональности, хотя не менее драматических по существу, записей о бойцах Сталинграда. Всего одно-единственное подобие улыбки, но тотчас подмеченное, как выражение народного самочувствия, встретим мы в Калужской книжке, в записи о суверенной старушке, предсказавшей «красным» успех по исходу петушиного боя в ее курятнике. Этот эпизод с торжеством красного петуха над белым нетрудно узнать в рассказе «Ночью, в сенах, на сене» (10, 592—593).

В волжском противостоянии длительное «осадное положение» сторон и крепнущее сознание того, что фашиста, в конце концов, вскоре удастся погнать на запад, порождало порой ситуации, содержащие, как бы мы сегодня сказали, элементы «черного юмора». Все относительно: в те дни самая его возможность в приводимых Толстым рассказах участников Сталинградской битвы была как дальний отсвет грядущей Победы:

«В обед над бруствером поднимается из немецкого окопа рука с котелком и ложкой: «Рус, давай обедать».

«Немцы рвали минами наши плакаты. Наши думали, думали и нарисовали плакат: Гитлер, Геринг и подпись: „Немцы, изо всех видов оружия по вашим врагам — огонь“. Немцы затихли, перестали стрелять. Полдня думали. Потом вывесили плакат: „Русь, сдавайся...“. Наши начали обидно смеяться, называть их дураками. А ночью подползли и уволокли их плакат (привязали к нему веревку). На утро выставили его с надписью: „Хрен — выкуси“... Тогда немцы из минометов изорвали оба плаката».

Постепенное осознание неизбежности фашистского краха отразилось и на поведении немецких военнопленных: «В Белоруссии. Девчонка-регулирующая. Поодаль полукругом — немцы. „Почему их не ведешь?“ — „Дожидаюсь, когда хоть сотни три наберется“».

Лишь тогда, когда солдатская душа обрела способность шутить, — слуху и зрению художника словно заново открылось все полнозвучие мира, где трагедия и жестокость не могут убить ни героини, ни милосердия:

«Рассказ Тихонова Н. о Ленинграде. (...) Идет солдат. На дороге лежит воробей. Когда солдат подошел — воробей встал, опустил крылья, хотел даже скакнуть, глядел на солдата, чтобы напугать, зло, бойко — черными бусинками. А клюв у него весь был забит снегом. Солдату стало жалко воробья, — он понял, как мужественно, из последних силенок он борется за свою жизнь. Положил его за пазуху. По пути отдал старухе. Она заплакала. „Воробья пожалел, а что немцы с нашими детьми делали“».

И в той же Сталинградской записной книжке Толстого появилась записка, немыслимая среди его заметок первых военных лет: «Любовь пронизательнее ненависти. — Герцен».

Эта книжка рассчитана была надолго, в ней заполнены только первые 34 листа. Именно с ней могли быть связаны толстовские замыслы нового большого романа, которыми он успел поделиться с близко знавшими его людьми. Известно, что Толстой начал собирать для него материалы, хранил газетные вырезки, что существовали два рабочих варианта будущего заглавия: «Великий путь» и «Огненная река»⁴³. Но «огненной реки» Толстой не переплыл, он умер за два с половиной месяца до дня Победы, оставив свои наброски и планы новым поколениям создателей героической саги о прошедшей войне.

С июля 1941 г. по декабрь 1944 г. Толстой, по утверждению Ю. А. Крестинского, выступал по радио и в печати около 70 раз⁴⁴. Это была работа, требовавшая огромной отдачи, непрерывного напряжения. Это была добровольная служба литературного бойца-снайпера, и армия ее оценила. В архиве Толстого есть копии документов, помеченных декабрем 1944 г.: «Личное дело» и «Выписка из приказа 30 гвардейской стрелковой Краснознаменной Рижской дивизии» о зачислении «писателя, депутата Верховного Совета СССР, действительного члена Академии наук СССР, лауреата Сталинской премии, шефа дивизии — товарища Толстого Алексея Николаевича (...) почетным бойцом 1-й стрелковой роты, 1-го стрелкового батальона 98 гвардейского стрелкового полка, с присвоением звания „Гвардия“»⁴⁵.

В обращенном к Толстому приветствии его новых боевых товарищей говорилось:

«Наш полк прошел большой и суровый путь по лесам и болотам Подмосковья, по каменистым полям Калининщины, через топкую и вязкую Лу-

ганскую пизменность до берегов Рижского залива; от берегов Рижского залива до ближних подступов Ливонского порта.

Полк участвовал в разгроме немцев под Москвой, принимал участие в освобождении городов: Алексин, Юхнов, Полотняный завод, Сычевка — и ликвидации плацдармов противника: Ржев—Вязьма, Смоленск—Рославль.

Полк одним из первых в дивизии ворвался на плечах бегущего противника в столицу Советской Латвии — город Ригу.

Мы безгранично рады, дорогой Алексей Николаевич, что творим вместе с Вами одно дело. Мы вооружены автоматами, винтовками, орудиями. Вы — большими знаниями и непоколебимой ненавистью к врагам»⁴⁶.

Гвардейский значок, приложенный к этим документам, стал одним из последних и, может быть, самых дорогих отличий, которых был удостоен Алексей Николаевич Толстой за свою неустанную вахту военных лет.

Калужская (1942 г.) записная книжка воспроизводится по подлиннику (ИМЛИ, ф. 43, оп. 1). Ряд записей ранее публиковался в ЛГ (1964, 22 февр.), а также в связи с объявлением о выходе настоящего тома в ЛГ (1983, 5 янв.) и «Литературной России» (1983, 7 янв.). Порядок записей отражает не хронологию событий, а ход беседы.

Редколлегия сборника и автор публикации благодарят сотрудников Архивного управления Министерства обороны СССР, Центрального архива Министерства обороны (ЦАМО), Государственного архива Смоленской области, а также бывшего комиссара партизанского полка имени Сергея Лазо Андрея Федоровича Юденкова и главного редактора газеты «Красная звезда» в годы войны Давида Иосифовича Ортенберга за помощь при подготовке данной публикации.

Приводим список условных сокращений при ссылках на материалы ЦАМО, использованные в примечаниях к вступительной статье и к тексту записной книжки Толстого:

- Альбом рейда корпуса* — Описание боевых действий Первого Гвардейского кавалерийского корпуса в Отечественной войне. Т. 16. Альбом боевых подвигов гвардейцев Первого Гвардейского кав. полка в борьбе с немецкими фашистами. — 1 ГКК, оп. 1, д. 85.
- Ж. б. д. дивизии* — Журнал боевых действий 1 Гвардейской кавалерийской Ставропольской ордена Ленина, краснознаменной, ордена Суворова, ордена Богдана Хмельницкого дивизии им. Блинова. Начато 22.VI.1941 — окончено 23.XII.1943. — 1 ГКК, оп. 1, д. 304;
- Книга учета* — Штатно-должностная книга учета офицерского состава управления и частей. — 1 ГКК, оп. 2, д. 22.
- Переписка* — Переписка по личному составу частей 1 Гвардейского кав. корпуса и дивизий, корпусных частей за 1942 г. Начата 1.I.42. — окончена 20.IX.42. — 1 ГКК, оп. 2, д. 12.
- Списки* — Списки младшего нач. состава управления частей и соединений корпуса (январь 1942 — 24 марта 1942). — 1 ГКК, оп. 1, д. 23.
- Списки награжденных* — Строевой отдел 1 Гвардейского кав. корпуса. Списки награжденных, 1941—1943. — 1 ГКК, оп. 2, д. 16.

Наименования воинских подразделений, званий и должностей приводятся в примечаниях к публикации по архивным документам, на которые даны ссылки.

¹ Иван Федорович Титков (р. 1912) — полковник в отставке, Герой Советского Союза (1944). Титков вел дневник летом 1941 г. Отправляясь в августе 1942 г. на задание, он предоставил свою рукопись в распоряжение Толстого, с которым был знаком. В 1976 г. вышла книга воспоминаний Титкова «Бригада „Железняк“» (Минск: Беларусь: 2-е изд. 1982).

² Записи 1941 г. цитируются по копии, сохранившейся в личном архиве Л. И. Толстой (ИМЛИ, ф. 43, н. п.).

³ См. разделы о последнем периоде жизни и творчества А. Н. Толстого в книгах: *Щербина; Крестинский; Петелин В. В.* Судьба художника: Жизнь, личность, творчество А. Н. Толстого. М.: Худож. лит., 1982; Лит. наследство. М.: Наука, т. 74. Из творческого наследия советских писателей, 1965, т. 78. Советские писатели на фронтах Великой Отечественной войны. М., 1966, кн. 2.

⁴ Толстой А. Н. ПСС, т. XIII, с. 555.

⁵ Толстой А. Н. Записи 1941 г.— ИМЛИ, ф. 43, н. п.

⁶ Толстой А. Н. ПСС, т. XIV, с. 84.

⁷ См. об этом: *Крестинский Ю. А.* Хроника жизни и творчества А. Н. Толстого в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.).— В кн.: Творчество А. Н. Толстого. М.: Изд-во МГУ, 1957.

⁸ Толстой А. Н. Записи 1941 г.— ИМЛИ, ф. 43, н. п.

⁹ См.: Толстой А. Н. ПСС, т. XIV, с. 348.

¹⁰ Там же, с. 134.

¹¹ Там же, с. 139—140.

¹² Толстой А. Н. Записи 1941 г.— ИМЛИ, ф. 43, н. п.

¹³ Там же.

¹⁴ Публицистические статьи Толстого входили в сборники первых военных лет «„Блицкриг“, или „Блицкрах“» (1941), «Немецкие орды будут разгромлены», «Родина», «Я призываю к ненависти», «Что мы защищаем» (1942).

¹⁵ Из письма майора Гитлина Толстому от 1 сент. 1941 г.— ИМЛИ, ф. 43, оп. 4.

Статью «Лицо гитлеровской армии» см.: Толстой А. Н. ПСС, т. XIV, с. 128.

¹⁶ Из письма А. С. Лаппо Толстому от 8 февр. 1943 г.— ИМЛИ, ф. 43, оп. 4, ед. хр. 2489, л. 2.

¹⁷ Из письма Н. К. Симанович Толстому от 9 июля 1941 г., Курск.— Там же, ед. хр. 2489, л. 3.

¹⁸ Толстой А. Н. ПСС, т. XIV, с. 397; см. также: *Крестинский*, с. 276.

¹⁹ *Пришвин М. М.* Собр. соч.: В 6-ти т. М.: Гослитиздат, 1957, т. 3, с. 497.

²⁰ В архиве писателя сохранились два списка воинов-беловцев, присутствовавших на калужских встречах с Толстым: «Список командноначальствующего состава 1 гв. кав. корпуса» (12 фамилий) и «Список группы танкистов из Отд. танков. батальона» (10 фамилий) (ИМЛИ, ф. 43, оп. 1, ед. хр. 1091). О П. А. Белове см. примеч. 10 к публикации.

²¹ См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945: В 6-ти т. М.: Воениздат, 1963, т. 2; *Юденков А. Ф.* Партизанский полк имени Сергея Лазо: Краткий ист. очерк. Смоленск (в дальнейшем сокр.: *Юденков*), 1960. *Успенский В.* Поход без привала: Докум. повесть. М.: Воениздат, 1977 (в дальнейшем сокр.: *Успенский*); и т. д.

²² В боевом составе группы Белова в глубоком рейде в тылу Вяземской группировки противника — 1-я и 2-я гвардейские кавдивизии, отдельные дивизионы и части усиления. Позже, в составе 16-й армии корпус был награжден орденом Красного Знамени; кроме звания «гвардейский» (1941) получил наименование «Житомирский» (1943) (см.: Центральный архив Министерства обороны. Справочник: Сведения на Гвардейские кавалерийские корпуса с № 1 по № 7. 1954).

²³ *Белов П. А.* За нами Москва/Лит. запись и предисл. В. Д. Успенского. М.: Воениздат, 1963, с. 178, 188 (в дальнейшем сокр.: *Белов*).

²⁴ О завершившем поход прорыве в «Альбоме боевых подвигов гвардейцев Первого Гвардейского кав. полка в борьбе с немецкими фашистами» гово-

рится: «С 15-го в ночь на 16.6.1942 г. 1-й Гвардейский кав. полк штурмовал Варшавку, обеспечил прорыв для всей дивизии, овладел переправой на реке Сопоть, с боями подошел к линии фронта (село Савки) и 19.6.1942 вышел на Большую землю. Это был первый из трех эшелонов прорыва» (*Альбом рейда корпуса*, л. 107).

Сохранился сделанный от руки схематический план этой последней операции участников рейда с пометками Толстого (ИМЛИ, ф. 43, оп. 1, ед. хр. 1091).

²⁵ «Во второй половине июля к нам приехал под Калугу Алексей Николаевич Толстой. Он разговаривал с бойцами и командирами, участвовавшими в рейде, интересовался подробностями прорыва во вражеский тыл, партизанами, нашим танковым батальоном, созданным из восстановленных машин.

Результатом этих встреч и бесед явились „Рассказы Ивана Сударева“» (*Белов*, с. 323—324).

По свидетельству А. Ф. Юденкова (в устной беседе с автором статьи), некоторые участники рейда пахотились тогда в Боровске (под Калугой), где располагался Штаб партизанского движения Западного фронта.

²⁶ *Белов*, с. 326.

²⁷ См.: Советские партизаны: Из истории партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. М.: Госполитиздат, 1961, с. 137.

²⁸ *Юденков*, с. 40; см. о том же в кн.: *Калинин П. З.* Партизанская республика. М.: Воениздат, 1964; *Титков И. Ф.* Бригада «Железняк». Минск: Беларусь, 1976, а также примеч. 11, 27, 70, 71 к публикации.

²⁹ Цит. по кн.: *Юденков*, с. 66—67.

³⁰ *Белов*, с. 204.

³¹ Там же, с. 316.

³² *Юденков*, с. 66, 70; см. также: *Юденков А. Ф.* За огненной чертой. М.: Воениздат, 1966, с. 199.

³³ *Жуков Г. К.* Первое стратегическое поражение вермахта.— В сб.: Провал гитлеровского наступления на Москву. М.: Наука, 1966, с. 53.

³⁴ Рассказы «Ночью, в сенях, на сене» и «Как это началось» впервые напечатаны: Красная звезда, 1942, 14 авг. (10, 591—600); Рассказ «Семеро чумазых»: Красная звезда, 1942, 16 авг. (10, 601—610); рассказ «Нина»: Красная звезда, 1942, 22 авг. (10, 611—615); рассказ «Странная история»: Красная звезда, 1942, 28 авг. (10, 616—628).

³⁵ *Толстой А. Н.* ПСС, т. XIV, с. 10.

³⁶ Здесь и далее для сопоставления с текстом Толстого приведены цитаты из «Записок о войне» И. Ф. Титкова (ИМЛИ, ф. 43, оп. 7, н. п.).

³⁷ В первом книжном издании «Нина» была опубликована как рассказ фронтовика. См.: *Титков И. Ф.* Нина. Запись А. Толстого.— В кн.: В боях за Родину: Рассказы участников Великой Отечественной войны/Сост. А. Н. Тихонов. Ташкент: Сов. писатель, 1942, с. 241—245.

³⁸ *Толстой А. Н.* ПСС, т. XIV, с. 218, 220, 221.

³⁹ *Толстой А. Н.* (Выступление по алма-атинскому радио 27 сент. 1942 г.) — ИМЛИ, ф. 43, оп. 1, ед. хр. 804. Оpubл.: Простор, 1983, № 1, с. 203—204.

⁴⁰ ИМЛИ, ф. 43, оп. 7, н. п.

⁴¹ Там же. В 1943 г. мысль Толстого-публициста прикована к противостоянию двух армий на Курской дуге, сулящему фашизму неотвратимое поражение (см.: статья «Салют победе», «Гибель вурдалака», «Русская сила».— *Толстой А. Н.* ПСС, т. XIV, с. 305, 306, 308), и к скорбным итогам хозяйничанья карателей на временно захваченной советской территории (см. статьи «Клейменная рожа», «Коричневый дурман», «Возмездия!», «Низость убийц», «Начало возмездия» и др.— *Толстой А. Н.* ПСС, т. XIV, с. 296, 300, 314, 326). В его третьей Харьковской записной книжке 1943 г. сохранились краткие записи о заседании суда, которые он в качестве корреспондента «Правды» делал в Харькове на одном из первых процессов против военных преступников: «В каких городах применялись душегубки? — Харьков, Полтава, Киев, Смоленск. В большинстве городов. С какого времени? С конца 42 г.»; «Красноармейцев рассматривали как дичь, когда в них стреляли. Срывали фуражку и бросали в запретную зону. Погибало в лагерях за день или за ночь 50—60 военнопленных» (ИМЛИ, ф. 43, оп. 1, н. п.).

⁴² Сталинградская записная книжка.— ИМЛИ, ф. 43, оп. 1, н. п.

⁴³ См.: Шербина, с. 610—611; Крестинский, с. 312; Машинописная копия работы Ю. А. Крестинского «Алексей Толстой в Великой Отечественной войне», с. 15.— ИМЛИ, ф. 43, оп. 2, н. п.

⁴⁴ Крестинский, с. 275.

⁴⁵ ИМЛИ, ф. 43, оп. 2, н. п.

⁴⁶ Там же.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА

Калуга. 23 июля 1942

Привал на Оке? ¹ Фарфоровое небо. Липы. Гляжу через красные метелки. На той стороне — лошади обмахиваются хвостами. К<расноармей>цы купаются. Вдали в синеватой куще — старый барский дом с причудой — двумя короткими башнями.

Березовый лес без вершин, издали серебряный.

Черная Нара. Мина. Дети. Всюду на работах девушки. Остовы нем<ецких> танков.

Вечно весенний шум березового леса.

Всюду дорожные отряды. Варят гудрон.

Старая женщина на шоссе, большие молчаливые глаза. В темном.

10-летн<ий> мальчик, полный мужского достоинства, с балалайкой.

Старик на лавочке. «Сроду блинами нельзя наестся» ².

Калуга. 2 женщины в пустой телеге. Обе равнодушные, у одной в руке бумажные цветы.

Дети, девушки. Старики, которые и не глядели бы на эти улицы и дома.

В ясном небе два разведчика. Плотные серые хлопья разрывов. Два истребителя. И все тихо. Никто не поднял головы.

Узбек из Ташкента, год не кушал рису. Год на фронте, был ранен. И опять с радостью, но хотел бы покушать рису.

Подшел на дворе с котелком, достал укропу.

2 чуваша.

2 вятича.

1 сибиряк.

Мальчишки.

Терский казак. Кубанка на затылке. Оттого, что не мог понять — что именно от него хотят — в глазах тоска ³.

Папашка ⁴.

Рассказ Фадеева ⁵. Варшавка. Разведка в тыл. Не пришла. На другой день в сумерки волокут тушу — раненого фрица. Рожь.

Ложбинка и кусты. Просидели там весь день. Все записали, что видели. Видят, офицер прямо идет к нам. Подошел и стал заглядывать в кусты. Обошел, посмотрел со всех сторон и не увидел нас в окопе. Сорвал ветку, стал обмахиваться от комаров, вынул сетку, стал натягивать.

Один из наших — сержант, бросился сзади, за горло повалил. Немцы заметили, побежали. Один из нас — из автомата. Убил троих. 2 наших побежали за четвертым.

Офицер подмял первого, другой из наших его штыком в ногу. Офицер искусал всем руки.

Когда немца принесли, он попросил курить и молча умер.

140 немцев около скирды. Замерзли все до одного.

Немец-офицер ночью вылез из сундука. (Выпил 1/2 литра). Жил с хозяйкой.

Немец из подпечья с парабеллумом.

Немцы в конюшне. Жалко лошадей.

«Ну и мне пришлось наложить 11 подвод раненых»⁶.

Танкист⁷.

Размороженные головки. Просверливали, чеканили. Инструменты делали местные кузнецы, собрали кое-что у населения.

Приказ — [организовать] сформировать танковую роту. Потом батальон. Вытаскивали танки из болот. Сначала боеприпасы местное население разыскивало и приносило. Боеприпасы — на самолетах.

Отремонтировали 9 тракторов, ими вытащили танки из болот.

Боролись против наших КВ⁸. Били по пушкам. Немцы пускают вперед наши КВ. С ними идет бронемашина, с радиоустановкой, которая корректирует арт. стрельбу.

12 танков⁹.

Корпус Белова¹⁰. Возд(ушный) десант. Корпус Казанкина. Раненый¹¹.

Белов — впереди на коне. Куда попала? В группу Белова на Малую землю¹².

Когда корпус выходил. Выходили полками, оставляя позади заслон.

Переходили Варшавку. Прорывали фронт лавиной — ура. (Перед этим 1 1/2 часа бой, ночью, на рассвете — ура). Шли по равнине и болотам. В деревнях истребляли немецкие гарнизоны. Нем(ецкие) самолеты преследовали. Хитрость: на опушке привязали калек-лошадей. Сами пошли дальше.

Когда бросились на ура. Автоматчики побежали. Танкисты бросили танки. Моторы еще работали. (Таранили крепкую немецк(ую) оборону).

В январе корпус Белова прорыв^{ается} в глуб^{окий} тыл. Впереди эскадроны, за ними орудия, обозы. Прорубают дорогу. Восстановление танков. С первого взгляда восстан^{овление} невозможно. Вывороченные кишки (теми, кто покидал, и мест^{ным} насел^{ением}). Расспрашивали мест^{ное} население о частях и инструментах.

Не хватало оптики. Вначале целились через ствол. Потом прислали из Москвы.

Под Ельней немцы не ожидали. Заняли 4 деревни. Немцы бежали. Трофеи.

*Сударев*¹³. Я чумазый. Обгорело. Пробило шлем.

1 эпизод с 2 легк^{ими} танками.

2 бой за Н. П. Немцы укрепились. Дзоты. Немцы — ракеты. Вышли боеприпасы. Приказ — давить гусеницами. Загорелся легкий танк.

2 эпиз^{од}. 2 средних танка. Один отказал. Пошли на пункт. Одним танком. Тяжелый грунт. Привязали к танку противот^{анко}вое орудие (60 снарядов). Положили ящики на танк. Сильный огонь со стороны немцев. 2 ящика успели снять. В танк попал снаряд. Ящики взорвались.

Пошли отбили немцев с переднего края обороны. (В пушке разорвалась гильза). Оборвалась тяга. Стреляли в дзот [прямой] наводкой через дуло. Зажигалкой освещал шкалу.

Оба танка неподвижны. Вышли немцы. 8 танк^{ов}. Мы подбили 3 танка. Термитный снаряд попал в ствол орудия, легко ранил, но загорелись сидения. Вылезли, подожгли.

3 эпизод. Чтобы полку выйти. У немцев 40 танков. 2 легких танка. Немцы наступают. [Немцы] Наши танки выдвинулись вперед полка, задержать форсирование реки н^{емецкими} т^{анками}. На опушке. Маневрировали в 300 м^{етрах} у реки. Подавили огн^{евые} точки и живую силу.

Заправка машины огнеприпасами. Окружили автоматчики. Подавали через люк мотора. Все же залезли и расстреляли автоматчиков. Разогнали мотострелк^{овую} часть. Немцы, велосипедисты, автоматчики, на опушке как <1 нрзб.> куропатки.

Мотор стучал до невозможности (500 <кг>). Втроем сняли. [подвезли новый]. Вытаскивали палками. Вечером начали. (Подвезли новый). К 2 час^{ам} на другой день кончили. А нужно обычно 5 дней.

2 опер^{ация}: прикрыть эскадрон. Приказ: прикрыть отход эскадрона. Пыль, ничего не видно. Толкают локтем влево.

3 операция: задача — ни с места, задержать. Ствол пушки пробило противотанковым снарядом. Заусенцы. Прочищали бронебойными снарядами. Газы выходили. Сделали бандаж из резинового шланга и продолжали убивать противника. (Все три операции на трех большаках.)

Командир «спикировал» в воду. Оставшись, последние сняли оптику, пулемет, начали взрывать танк (4 диска и оптику). Наших трое. Немцы трас<сирующими> пулями.

Окружили пулеметчики. Наши в речку, вплавь. Вечер. Через болото. Где наши — не знаем. Нашли своих по конскому следу.

4 операция. КВ, средний и 2 легких. Танки вышли на опушку. По шоссе Вязьма — Дорогобуж. Колонна средних н<емецких> танков 8 штук. Только командир батальона вынул карту — слышим гул н<емецких> танков. Вышли на позицию. Метров на 100 огонь. По<д>били 2 т<анка> и 1 бр<оне>м<ашину>. Немцы отошли с мот<оризованной> пехотой. Мы заняли деревню.

Ген<ерал>-м<айор> Калмыков¹⁴ жил с танками.

Последняя операция. Когда удалось сдержать колонну и занять деревню, — задача сдержать немцев.

Новый приказ (прибегает посыльный): отойти с танками. Решили дать последний бой, т. к. танки были на ходу. Пошли в атаку (3 танка).

Немцы открыли ураганный огонь. КВ вспыхнул¹⁵. Средний и легкий отходят. Напрасная храбрость.

27 человек. Из танкистов образован взвод. Только наганы. Атаковали деревню Старая Буда¹⁶. С правого фланга после арт. подготовки поползли с наганами (с левого — гвардейский полк). Ворвались раньше пехотинцев. Ура с обоих флангов. Взяли новенькие винтовки. Продукты. Немцы отступали в болото, побегут и назад. Тут их много и положили. 4 офицеров в плен.

Этот эпизод зап<исать> вначале. Когда переходили Варшавку в 2 ч<аса> ночи, атаковали деревню, ура. Немцы выскочили в одних портках. Танкисты уже с автоматами (старшина Москалев¹⁷ и 15 чел<овек> танкистов).

Было так: основная колонна прошла прямо на лес. Танкисты были на левом фланге. По ним немец из автомата — щелк. Танкисты во весь рост бросились в деревню. Ура!

Когда ворвались — немцы бежать в кальсонах, «т<р>ассирующая форма», за ними — кавалеристы, которые это заметили. — рубить фрицев в кальсонах. Немцы бросили машины и танки. Их сожгли.

Переход через передний рубеж немцев. Разведка. Танкисты в разведку мимо дзотов. Дошли до Большой земли, вернулись. Тогда все [прошли] пошли. Ракеты попадают в спину, непрерывные ракеты. Зажигательные, трассирующие пули. Перебежками. Кукушки сверху. Огонь не прицельный, но очень сильный. Слышно, как немцы взводят пулемет. Шли со сплошным криком ура. Немец даст очередь и отползет.

Наши не стреляли, т<ак> к<ак> можно по своим. Только — ура. Обниматься, целоваться, закуривать.

Раненый г<енерал>-м<айор> Казанкин¹⁸. «В общем его раз- только напугать, он все бросает. Фриц, фриц» (со вздохом).

Прорыв во втором месте. Группа в 3 т<ысячи> человек.

Пер<е>гон<ный> пункт

о
Дзот /
↑
атака
в лоб

общая
масса

Стор<ожка> лесника

о
Дзот
↑
атака
в лоб

Немцы бросили против беловцев 7 дивизий, массу танков и авиации.

Немцы бросают листовки. «Когда же вы, наконец, бросите оружие».

«Кривая нога» или «Горбатый». Немецкий разведчик выпускает оптическую трубу, уродливый¹⁹.

Когда начали отрывать первые танки, занесенные снегом с башнями, колхозники говорили, — немцы над ними бились, бились, ничего не выходило. А потом выходили целым колхозом.

Кавалеристы.

Полковник²⁰. Прорыв к немцам. 26—29 января весь корпус Б<елова> прошел. Обманули. Демонстрация в одном. Проскочили лесом. Делали дорогу. Рубили деревья. Утапывали снег, пушки, обозы. 40°. Жизнь небывало тяжелая²¹.

Первый бой. Очистить несколько сел, чтобы погреть людей. Наделали переполох. Немцы бежали. Погрелись. Задание — забираться поглубже в тыл. В тылу у него (по направл<ению> к Вязьме), у немцев тыл в струпьях. Партизаны, парашютисты. Вошли на эту территорию. Начали стирать рубцы²².

Когда появилась конница, все поверили, что немцев бьют (мы не на Урале)²³.

В селах по 50, по 100 человек «зятьев», пристроились под видом местных зятьев²⁴.

Зятьки.

Начали призывать население — бить немцев. Парт<изанские> отряды начали расти.

К марту месяцу выбросили всю немецкую мелочь из деревень.

Население. <...> Отношение любовное к К<расной> А<рмии>. Все вплоть до детей начали раскапывать из-под снега и приносить оружие, в речках, подо льдом. Мальчуганы наблюдательны. «Вот здесь, дядька, руби лед, здесь пулеметы».

Кормили, чем могли. Отдавали последнюю корову. «Ешьте, но немцев не пускайте». (Три коровы. Отдадим одну, а мы с тобой будем вместе...).

Все деньги до последней копейки отдали. На заем²⁵. Отправили деньги на самолетах.

Партизаны к уходу беловцев сформировали две дивизии — это уже регулярные д<ивизии> К<расной> А<рмии>. Учили их примером в бою. <...>

5 месяцев вели бои. Расширяли территорию. Проблема — пополнения. Стали подбирать людей, подбирали, браковали. <...>

[Осенние пленные. Немцы осенью сгоняли пленных на самое грязное поле. Несколько дней не кормили, чтобы они обессилели. Потом погнали. Несколько десятков тысяч погибло во время пути. Тут многие сбежали. <...>]²⁶.

Оружия у нас стало больше, чем полагалось по штату. Весной оружие кончилось. Нашли дырочку у немцев в тылу, на Днепре, где место, где было много брошенного оружия, было минировано. Выбрали все.

Посеяли семена до последнего зернышка²⁷. Картошку. В деревнях и селах охрану вооруж<енную> несли девушки.

Высылали диверсионные группы на ж<елезную> д<орогу>. Редкий день, чтобы не грохнули поезда. Засады на посейных дорогах, автострадах (по <1 врзб.>). Все это нервировало немцев, ломало их планы.

Немцы держали вокруг партизанской территории 7 пех<отных> дивизий и 3 танковых. Их все время били²⁸.

Немцы начали отжимать нас от фронта на запад, к Смоленску. Мы показали, что гвардейцев нельзя окружить. Пример. Немцы силой 2-х стрел<ковых> полков и 35 танков окружили наш кав<алерийский> полк (800 человек). Мы уничтожили 22 танка и до 800 немцев. П<олк> с небольшими потерями вышел из окружения²⁹.

Немцы смяли партизан и вышли на Дорогобуж. Навстречу вышел 5 <кавалерийский> полк. Он смял и опрокинул немцев³⁰.

На другой день 5 танков. 4 подбили. Один перекрашенный наш КВ. Полчаса ходил по эскадронам и давил. Никто не побежал. Н<аши> пехоту отбили. Танк ушел. Наши ругали тех, кто этот танк сдал.

К июню прошли бои на прорыв³¹. В этом прорыве — немцы отдали богу душу. Задача — уничтожить всех. Чтобы выйти, нужно было проломать 3 серьезных линии (идти по тер<ритории>, занятой немц<ами>, 150 километров).

Прорыв Ельнинского большака. Немцы не ждали. Их [напугали] обманули, создали демонстрацию³². Наши не признавали никаких преград, не [зна] признавали страх. Шли разъяренной лавиной. Немцы бежали из селений. (Партизане — гут). Застава — 5 пар<тизан>, нем<цев> 16 чел<овек>.

Немцы бомбили хвост прорвавшейся колонны — обозы. Задевали повозки колесами.

Вышли на территорию партизанов Лазо. Отдохнули.

В районе села Клин нем<ец> бомбил ожесточенно. Но едва ли убитых 20 чел<овек>. На другой день: «Всех уничтожу». После речь — «Когда же вы будете сдаваться». Наконец: «Ваш ген<ерал> Белов сдался». Белову пришлось показаться войскам. Последняя: комиссарам: «Мы вас простим». «Зачем не приказываете сдаваться в плен». Бойцы: «Эге, до комиссаров дело дошло»³³.

Раненых из обоза немцы нашли в кустах. Вели со связ<анными> руками. Расстреливали³⁴.

Прорыв Варшавки. Операция тяжелее. Завязали бой с вечера. К середине ночи — прорвались в 2-х километровые ворота. 3 ряда занятых нем<цами> сел. Стремительным ударом прорвали все три линии. Дальше движение лесами.

Прорыв через линию фронта. Точно, где линия фронта, — не знаем. Ночью навалились и прорвали двое ворот. 1000 чел<овек> прошли. [Остальные свернули к лесу и] Остальные меньшими группами.

Упорство. 1-й полк сосредоточился в лесочке. Немцы заметили, окружили. Танками, автоматчиками.

Со стороны села пост 250 немцев. Разъяснили красноармейцам: ударить там, где немцы сосредоточились. Бросились: ура, опрокинули. Прорвались.

Эпизоды. В штабе Белова. Частушки в селе. Артамонов, 1 мая³⁵: «Как фашистские полки || Растеряли все портки. || О<т> Белова наутек || Дали деру без порток». «Как по нашей по реке || Плавают сазаны. || Берегитесь, гитлеровцы, || Едут партизаны».

Поют и пританцовывают: «Рассадила я в саду || Черную смородину, || На фашистов я пойду || За советску Родину».

Белов, казак, ср<еднего> роста, с усами. Воспитывал командиров. Всегда выезжал к войскам, беседовал. Когда выходили из окр<ужения>, из штаба составил эскадрон, сам он — нач<альник> эскадрона. Выходил отдельно. Высылал разведку. С крик<ом> ура прорвали. Штаб шел в арьергарде. (1 дивизия прорв<алась> первой, 2-ая, т<ак> к<ак> было уже светло, переходила по частям).

Штаб прорывался через глубину обороны вместе с десантниками 1000 чел(овек)³⁶.

Противотанковая работа <в> 25 ружей отразила 3 танк(овых) атаки 48 танков, подбила 17 танк(ов). Немцы не прошли.

Повар Фимин Иван Степан(ович)³⁷. С автоматом ворвался в блиндаж, убил здесь расчет (3 н(емца)), взял миномет и, возвращаясь, привел еще 3 раненых.

К(расноармее)ц Колесников, связист³⁸. На него 15 автоматчиков. Он убил 6 человек. Взял нем(ецкий) автомат. Был убит.

Белов был взят на самолет³⁹.

Кононенко. Подполк(овник)⁴⁰, нач(альник) разведотдела. Лобашевский — старш(ий) бат(альонный) комиссар⁴¹. Он в кубанке, белой, его видно, — все за ним. Вел в атаку.

Подполковник Белых⁴². В атаку, уничтожает гранатой 5 немцев.

Традиции⁴³

1) Не признают окружения противником. 2) Нет такого момента, из котор(ого) бы они не вышли. 3) Сражаться до последнего патрона и живым в плен не сдаваться. 4) Любят свое оружие и никогда его не бросают. Раненые пулеметчики уносят пулемет по пояс в болоте.

Пулеметчик убил 100 немцев и умер, обняв пулемет, так был найден.

За три дня во время тяж(елых) боев 250 чел(овек) заявили о приеме в пар(тию)⁴⁴.

О зверствах. 22 фев(раля) в районе Пустошка. Немцы потеснили эскадрон. Местное население ушло в убежище. Когда немцев выбили через несколько часов, — в убежищах убиты дети и женщины.

В деревне Боброво всю деревню загнали в сарай и сожгли.

«У нас свинья в 10 раз культурнее, чем немец». «По пяти человек в одном тазу, потом едят из этого же таза суп». «Голые моются при женщинах». <...> «Немцы пустили лотошников с водкой и табаком: за выдачу партизана или конника».

Политрук Рогозин⁴⁵ (истребил 250 нем(цев)) и красноармеец, обнявший его, был(и) убит(ы). И так их, обнявшихся, нашли и похоронили.

Ушаков⁴⁶, минометчик, оторвана нога и рука ранена. Мином(етный) расчет уничтожен. Он застрелился, когда немцы кинулись к нему.

Агафонов⁴⁷, ком<андир> эск<адрона>, убит в бою; [ком<андование> эскадрон<ом> взял] старшина Волковенко взял командование эскадрон<ом>⁴⁸. Эскадрон окружен. Отнял у нем<ецкого> ком<андира> автомат, уничтожил немцев, еле вышли. Сейчас ком<андует> эскадрон<ом>.

Цыган. Князев Аркадий Василь<евич>, полковник⁴⁹. Нужно прорвать Варшавку, в 200 метрах созвал ком. состав и полит. состав, объяснил обстановку и задачу — «я пойду впереди полка». Прорвал оборону и уже по ту сторону упал убитый. Плясун. Любимец, весельчак. Черные усы.

Марченко, полковой комиссар⁵⁰. Возглавил всю группу. Переход I-й дивизии. Шел впереди 15 километров. Унесли раненых и больных.

Командир Баранов Виктор Кириллович, г<енерал>-м<айор>⁵¹. Боевое охранение, 3 чел<овека> погибли, удерживая 15 чел<овек>.

Калмыков⁵², 10 чел<овек>, бои 7 часов. Прорыв 150 немцев. Немцы — 15 лыжников. Наши отбили. От немцев осталось 20 человек.

40 человек против 3 танков и 500 немцев, отбили.

Маслов. Вынес раненого ком<андира>. Уничт<ожил> 30 немцев⁵³.

Старик, 70 лет, взял винтовку, залез на крышу. Мы отошли, так и не знаем, что с ним.

Акимов, младш<ий> лейтенант, пошел в атаку с противотанк<овым> оружием⁵⁴. 15 чел<овек>. Отбили атаку.

Курошинов Измаил Айсович, ком<иссар> пер<вого> полка⁵⁵. Отец полка. Знает каждого бойца, в чем нуждается.

Немцы 5 месяцев укрепляли Старую Буду. Атака полка. Комиссар первый ворвался в село. Он поднимает всех раненых в контратаку. Поднял полк в псих<ическую> атаку на узкое кольцо прорыва.

Трубников Мих<аил> Дмит<риевич>, артиллерист⁵⁶. Отремонти<ровал> 122-ю пушку⁵⁷, найденную в снегу, и один, без расчета, с одним подносящим (вместо 12 человек) выпускал 50 снарядов по Вязьме.

Пере<гоненко> Петр Е<фимович>, наводчик⁵⁸.

Лукиянов Сергей Васильевич⁵⁹, стар<ший> политрук. В Старой Буде — пошел в контратаку и обеспечил продвижение всего корпуса.

Подполковник Демидов⁶⁰ и стар<ший> лей<тенант> Шевченко⁶¹ захватили 2 шестиств<ольных> миномета.

Малинов, под〈полковник〉⁶², и ком〈иссар〉 Бельченко⁶³ с эскадроном выбили немцев из ...

Сержант Абанин⁶⁴ с четырьмя бойцам〈и〉 — поймать языка. В засаду, у фанерного завода. Просидел 2 суток. Пропустил 3-х. С остальными 27 завязали бой. Вести пленных по пояс по болоту послал 2-х, а втроем остался и уничтожил немцев.

Колыванов — капитан⁶⁵ с пулеметом и минометчик-политрук на [реке] поле открытом уничтожили целую роту, которая двигалась колонной. Сразу накрыли. Так близко, что видели лица.

Верегитинцы. Верегитин, млад〈ший〉 лейт〈енант〉⁶⁶. 40 бойцов, храбрецов. Больше 10 поездов под откос. Знаменитый разведчик. Погиб на Варшавке.

Пришел на мельницу. Немец-часовой, — в карманы по листовке.

Старуха: 31 рубль, 1 на память.

Старушка на завалинке, на солнышке, апрель.

— Кто победит?

— Красные.

— Почему?

— Два петуха разодрались, белый и красный⁶⁷.

Парт〈изанский〉 штаб⁶⁸.

Партизаны. Агитацией — комис〈сары〉. Радиоприемник за иконой (задание от райком〈а〉).

Мальчики, пионеры, отличники, разносят сводку. Мальчики верные, ничего не раскроют. Учительница идет обедать — рассказывает⁶⁹.

Колхозники скрывали к〈расноармей〉цев под видом зятя.

Достал махорки, собрались покурить — листовку.

Агитация боем.

Люди идут сами.

Артист Цимахович⁷⁰. «Назначить лесником». <...>

Март. Из базы ходят группами. Цимахович — «Петрович». <1 фр. нрзб.>.

Деревни Самодурово, Савушкино, Шевелево, Рябинки. Его батальон (400 ч〈еловек〉). До рассвета взяли все деревни, кроме Рябинки (наших 60 против 300 нем〈цев〉). Успели занять несколько изб.

Цимахович один попер по снегу против〈отанковую〉 пушку, поставив на нее 2 ящика со снар〈ядами〉, бегом повез ее и разбил 5 домов. Рябинки заняли. Он был ранен, через два дня умер.

Батальон хоронил его в деревне Старые Мутищи⁷¹. Пар〈тизаны〉 поклялись отомстить. Плакали. Этот полк уничтожил более 8 т〈ысяч〉 немцев.

В лесу гармошка, поют: «Колокольчик, дар Валдая»⁷².

Командир полка директор средней школы Вас(илий) Вас(ильевич) Казубский⁷³.

Комиссар Андрей Юдимов⁷⁴, секр(етарь) ельн(инской) ком(сомольской организации).

Когда начал таять снег — объехали 400 деревень. Немцы все сожгли. Нашли «Квентин Дорвард»⁷⁵ и читали ее вслух.

Начало. 13 янв(аря)⁷⁶. Прочли листовку о разгр(оме) немцев под М(осквой). У них на 4-х один парабеллум. Пошли в деревни, убили старосту, взяли автомат. После первого выстрела уже 16-го ян(варя) было 7 ч(еловек) и пулемет, а через месяц 1800 чел(овек).

Разговарив(ал) Алекс. Иван. Боровск. Монастырь, сельскохоз(айственная) ш(кола)⁷⁷.

¹ Толстой ехал в Калугу на машине: у реки была сделана остановка: по предположению А. Ф. Юденкова (в устной беседе), вопросительный знак у Толстого объясняется тем, что маршрут поездки проходил далеко от Окп; скорее всего, это была река Угра.

² Ср. в Сталинградской записной книжке: «Старик на завалинке: сроду не поверю, что блинами можно наестся, блины — закуска» (ИМЛП. ф. 43, оп. 1 н. п.).

³ Толстой фиксирует национальный состав подмосковных войск, возможно, как реакцию на вражеские утверждения, что зимние успехи Красной Армии в 1941—1942 гг. объясняются «морозостойкостью» сибирских дивизий. Ср. в статье маршала Ф. И. Голикова «10-я армия в Московской битве»: «Мне кажется, что вовсе не случайно гитлеровцы считали все дивизии 10-й армии сибирскими, усматривая в этом некоторое оправдание своих поражений. В действительности же армия наша состояла из москвичей, туляков, горьковчан, костромичей, тамбовцев, жителей Чувашии, Мордовии, Ферганы. Дальневосточников и сибиряков было мало. Лишь 75-я кавалерийская и 239-я стрелковая дивизии были сибирскими» (в сб.: Провал гитлеровского наступления на Москву, с. 274).

⁴ О «папашке» см. в рассказе Толстого «Странная история» (10, 616).

⁵ А. Ф. Юденков высказал мнение (в устной беседе), что речь идет о начальнике 5-го отдела МТО Белорусского штаба партизанского движения майоре Анатолии Григорьевиче Фадееве, очевидно, сопровождавшем Толстого в поездке и рассказавшем ему о некоторых боевых эпизодах.

⁶ Речь идет о летнем прорыве. «А раненых становилось все больше. Немецкая авиация разбомбила партизанский госпиталь в деревне Клин» (Юденков, с. 70). Генерал П. А. Белов пишет, что при выходе из рейда раненых, «всех, кого можно», взяли в обозы (Белов, с. 303).

⁷ «В тылу врага, на освобожденной территории, мы обнаружили значительное количество советских танков. Но отремонтировать танк в тех условиях было не так-то просто». Лейтенант Кошелев Василий Матвеевич в деревне Волочек под Дорогобужем «собрал бывших танкистов, бежавших из фашистского плена, партизан, знакомых со слесарным делом, трактористов. Люди работали днем и ночью, (...) на сильном морозе. В конце марта три танка, один из них тяжелый, были готовы к боевым действиям» (Белов, с. 235). Эпизоды с ремонтом танков и боевыми операциями танкистов легли в основу одного из «Рассказов Ивана Сударева» — «Семеро чумазных» (10, 601—610).

⁸ Тип советского тяжелого танка, поступившего тогда на вооружение.

⁹ Эпизод одного из первых боев развернут Толстым в рассказе «Семеро чумазых» (10, 610).

¹⁰ Павел Алексеевич Белов (1897—1962) — генерал-лейтенант, командир 1-го гв. кавкорпуса (с 26 февраля 1941 г.), командующий 61 армии (с 26 июня 1942 г.). Герой Советского Союза (1944), один из легендарных военачальников Великой Отечественной войны.

¹¹ 4-й воздушно-десантный корпус высадился в середине февраля в немецком тылу и после гибели командующего, генерал-майора А. Ф. Левашова, был возглавлен нач. штаба корпуса полковником А. Ф. Казанкиным, получившим вскоре звание генерала; беловцы выслали на помощь десанникам кавдивизию. Весной А. Ф. Казанкин был ранен и, по свидетельству П. А. Белова, «спешно долечивался» после прорыва из рейда (см.: *Белов*, с. 19—20, 29—32, 227 и др.).

¹² Малыми землями, в отличие от Большой земли, советского тыла, назывались контролируемые партизанами районы — «партизанские края» на территории временно оккупированной войскам противника.

¹³ Константин Семенович Сударев (р. 1907 г.) — ст. сержант, командир танка (*Списки награжденных*, л. 247 об., № 196). Имя танкиста Толстой сохранил в «Рассказах Ивана Сударева» за механиком-водителем Константином Костиным, а фамилию передал рассказчику-кавалеристу, используя ее и в заглавии всего цикла.

Участник беседы с Толстым в Калуге 23 июля 1942 г. Следы ожога на лице танкиста (реплика «я чумазый») — объясняют происхождение названия рассказа Толстого «Семеро чумазых» (10; 592, 601, 604, 686).

¹⁴ Генерал Калмыков — пом. командира 1 гв. кавкорпуса; П. А. Белов упоминает его среди участников военного совета 5 июня 1942 г. (см.: *Белов*, с. 30).

¹⁵ «Танковая рота Кошелева приняла участие в боях под Ельней. Танкисты проявили при этом исключительный героизм и отвагу». Лейтенант Кошелев был представлен к ордену Красного Знамени. Когда КВ был подбит в бою, лейтенант Кошелев сторел в танке (см.: *Белов*, с. 236).

¹⁶ «8.6.1942. — После репительной атаки полк овладел Будой Старой, чем обеспечил ворота прохода всей группе. Истребил там более 400 фашистов и захватил 4 склада с вооружением» (*Альбом рейда корпуса*, л. 107).

¹⁷ Архип Ильич Москалев — ст. сержант, старшина отделения танковой роты (*Списки награжденных*, л. 158 об., № 159).

¹⁸ См. примеч. 11.

¹⁹ За неуклюжую форму немецкого самолета «Фокке-Вульф» с двумя фюзеляжами бойцы давали ему, по свидетельству А. Ф. Юденкова, различные прозвища: «борона», «сани», «горбатый», «кривая нога» и т. д.

²⁰ По-видимому, Федор Макарович Марченко (р. 1901) — полковник, нач. политотдела 1-й гв. кавдивизии, полковой комиссар (*Ж. б. д. дивизии*, л. 119, № 23; *Переписка*, л. 19; *Списки награжденных*, л. 166 об., № 404). Участник беседы с Толстым в Калуге 23 июля 1942 г.

²¹ В «Журнале боевых действий Первого Гвардейского кавалерийского корпуса 1941—1943 гг.» записано: «Корпус в течение 31.1—2.11 ночными маршами по лесным тропам и полевым дорогам, занесенным снегом, местами доходящим до 1 метра, при 40° мороза, при отсутствии в населенных пунктах фуража и продовольствия, вел ночные бои, уничтожая узлы сопротивления противника... к исходу 3.2.42. овладел Панфилово, Ивлево, Кованиха, Тесниково, Зобново, Молошино, Капустино, Сидеряты, Петраково» (ЦАМО. оп. 1, д. 78, л. 71).

²² Имеются в виду следы от гусениц танков, затруднявшие маскировку.

²³ «По немецким тылам ползали зловещие слухи: будто бы Москва и Ленинград давно уже в руках врага, будто бы Советское правительство находится где-то за Уралом и красные войска скоро капитулируют» (*Юденков*, с. 16); ср. также: «Жители (...) плакали от радости, постепенно убеждаясь, что мы — красные» (*Альбом рейда корпуса*, л. 112).

Ряд записей из Калужской записной книжки (здесь и далее) почти буквально воспроизведен в «Рассказах Ивана Сударева»; ср.: «мы не на Урале» — и: «Красная Армия, значит, не на Урале. Красная Армия сама к вам пришла» (10, 603); «Мальчуганы наблюдательны. „Вот здесь, дядька, руби лед, здесь

пулеметы» — и: «Из ямы — из-под снега и валежника вытащили пулеметы» (10, 600).

²⁴ Речь идет о советских солдатах, оказавшихся на оккупированной территории осенью 1941 г. «Окруженные рассеялись по деревням. Некоторые из них скрылись среди местных жителей» (Белов, с. 220); население выдавало их за родственников — «зятьев».

²⁵ «В период сева политорганы группы и районные комитеты партии развернули подписку на Государственный военный заем 1942 года. Многие вносили деньги сразу. Собранные средства мы отправили самолетом на „Большую землю“» (Белов, с. 286).

²⁶ Материалом этой записи Толстой воспользовался в рассказе «Как это началось» (эпизод бегства Андрея Юденкова из лагеря — 10, 594).

В очерке «В концлагере» Ф. Косенко приводит еще более разительные подробности изымательства карателей над 2(00) пленными, обреченными на голодную смерть в овраге, обнесенном колючей проволокой (см.: *Альбом рейда корпуса*, л. 131).

²⁷ «Весной секретари райкомов обратились к нам с просьбой провести сев. Семлевский, Восточный, Дорогобужский и еще несколько райисполкомов представили заявки, в чем они нуждаются. Согласно этим заявкам мы выделяли на сев людей и лошадей» (Белов, с. 284).

²⁸ «Для борьбы с партизанами немецко-фашистскому командованию пришлось ввести в бой новые значительные силы, использование которых раньше не планировалось» (История Великой Отечественной войны..., т. 2, с. 484).

22 февраля 1942 г. об успешных действиях партизанского полка им. Сергея Лазо сообщалось в сводке Совинформбюро (см.: Правда, 1942, 22 фев.).

²⁹ «Намереваясь покончить с партизанами и ликвидировать серьезную угрозу тылу группы армий „Центр“, а также создать условия для ее наступления, немецко-фашистское командование осуществило две крупные операции: операцию „Зейдлиц“ — против частей 1-го гвардейского кавалерийского корпуса и действовавших совместно с ним соединений партизан и операцию „Ганновер“ — против частей 4-го воздушно-десантного корпуса и партизанских отрядов. (...) В ожесточенных боях (...) враг потерял 5—6 тыс. солдат и офицеров и более 100 танков» (История Великой Отечественной войны..., с. 483—484).

³⁰ Партизаны и кавалеристы удерживали Дорогобуж с 15 февраля 1942 г. Однако к лету, «обладая большим численным и техническим превосходством, фашистские соединения вытеснили партизан, кавалерийские и десантные части из их районов обороны».

«Смоленский обком ВКП(б) 11 июня направил в Дорогобуж командование партизанских отрядов директиву, в которой предложил приступить к рассредоточению и выводу из района Дорогобуж, Глинка, Ельня не менее 50 наиболее боеспособных отрядов по 40—50 человек в каждом... Таким образом, гитлеровцам удалось ликвидировать Дорогобужский партизанский край на Смоленщине» (История Великой Отечественной войны..., т. 2, с. 484), но борьба партизан продолжалась еще 8 месяцев, вплоть до прихода Красной Армии.

³¹ «В это время рейдовцев окружали железными кольцами 13 немецких дивизий. (...)

Генерал решил двигаться на запад, ввести противника в заблуждение и прорывом в р-не г. Кирова соединиться с войсками Большой земли» (*Альбом рейда корпуса*, л. 113).

³² В ночь на 9 июня 1-ая партизанская дивизия, увлекая за собой противника, должна была быстро отойти к Дорогобужу, переправиться через Днепр и разбиться в лесах на отряды, что дало кавкорпусу выигрыш в двое суток (см.: Белов, с. 306).

³³ Речь идет о немецкой листовке с обращением к бойцам, командирам, политрукам и комиссарам частей Белова предложением прекратить борьбу. Текст листовки см. в кн.: *Успенский*, с. 323.

³⁴ Под Вязьмой было несколько госпиталей, около 3,5 тыс. раненых и 175 чел. медперсонала; кормило их население, отдавало лучшее. Многие вернулись в строй; тяжело раненных пытались отправлять на самолетах.

Отряд эсэсовцев в деревне Дебри расстрелял в лесу 50 раненых; тех, кто

не смог выйти из палаты — сожгли вместе со зданием школы (см.: *Белов*, с. 238, 241).

³⁵ Анатолий Васильевич Артамонов (1910—1942) — капитан, нач. штаба 6-го гв. кавполка 1-й гв. кавдивизии (*Книга учета*, л. 36, № 42). Отвечал за проведение праздничных мероприятий. «Два праздника встречали мы в тылу врага, 23 февраля и 1 мая» (*Белов*, с. 247).

³⁶ После военного совета командиров 5 июня 1942 г. прорыв частей 1-го гв. кавкорпуса на Большую землю осуществлялся поэтапно. 1-й и 2-й эшелоны с генералами Барановым и Казанкиным ночью ушли за шоссе; генерал Белов со штабом, обозами, ранеными и примерно половиной своих бойцов остался и, применив еще один обманный маневр, выводил войска четырьмя группами по четырем маршрутам (см.: *Успенский*, с. 347—375).

³⁷ Иван Степанович Фимин — ефрейтор, повар отдельного минометного дивизиона (*Списки награжденных*, л. 298 об., № 49).

³⁸ Григорий Яковлевич Колесников — красноармеец, боец комендантского эскадрона (там же, л. 113 об., № 366).

³⁹ Вечером 24 июня, после перехода через Варшавское шоссе, когда до линии фронта оставалось 40 км, генералу Белову и комиссару Щелаковскому было приказано вылететь в штаб Западного фронта, где они получили новые назначения. «Нам нелегко было расставаться с боевыми товарищами, бок о бок с которыми сражались несколько месяцев» (*Белов*, с. 303).

⁴⁰ Александр Константинович Копоненко (р. 1909) — подполковник, затем полковник, нач. разведотдела штаба 1-го гв. кавкорпуса (*Книга учета*, л. 32, № 25).

П. А. Белов о Копоненко: «Работал он с большой ответственностью за порученное дело, без устали, с огоньком. Мало кто знал, что наш черноусый разведчик много пережил, многое видел. Он сражался на стороне республиканцев в Испании» (*Белов*, с. 65).

«Вместе с Павлом Алексеевичем отмечали мы 9 мая 1962 года очередную годовщину Победы. В квартире на 1-й Брестской улице собрались бывшие фронтовики. Пришел полковник Копоненко, до самого конца войны возглавлявший разведку 61-й армии. Александр Константинович был энергичен и весел. Охотно пел, подкручивая пышные казачьи усы» (*Успенский*, с. 395).

⁴¹ Василий Тимофеевич Лобашевский (р. 1920) — ст. батальонный комиссар, военком 72-го Краснознаменного кавполка, позже — подполковник, нач. штаба 1-го гв. кавкорпуса (*Переписка*, л. 136, 168, 194; *Книга учета*, л. 146, № 716).

Из «Боевой характеристики на (...) Лобашевского Василия Тимофеевича»: «В боях показал себя исключительно смелым, решительным командиром и умелым, вдумчивым политработником. За время Отечественной войны, будучи военкомом 72 кавполка, сумел (так) поставить партийно-политическую и воспитательную работу среди личного состава, что полк всегда четко выполнял боевую задачу» (*Переписка*, л. 36).

⁴² Иосиф Назарович Белых (р. 1892) — подполковник, пом. нач. отдела тыла, позже командир 4-го гв. кавполка 2-ой гв. кавдивизии (*Списки награжденных*, л. 15 об., № 24; *Книга учета*, л. 3, № 20; 40, № 70; 150, № 155).

⁴³ «Они знали четыре заповеди. — писал Толстой в «Рассказах Ивана Сударева», — не признавать окружения, выходить при любых обстоятельствах из любой создавшейся обстановки, биться до последнего патрона и живым не сдаваться, любить свое оружие и не бросать его даже в смертный час» (10, 609). «Заповеди наши помните? Не признаем себя окруженными и — все» (10, 613).

⁴⁴ Из очерка П. Омельчука «Воспитание» (апрель — май 1942):

«Партийная организация (1-го ГФК.— Г. Т.) начала принимать в свои ряды прославленных героев. Ответственный секретарь партийного бюро, старший политрук Лукьянов, который лично всех бойцов 4 эскадрона ознакомил глубоко с историей полка, поднял рост партийных рядов. За период с февраля до конца апреля в ряды ВКП(б) было принято более 40 товарищей — патриотов, связавших свою судьбу с судьбой Родины.

Во всех эскадронах появились полнокровные партийные организации, во всех звонках были коммунисты» (*Альбом рейда корпуса*, л. 163).

⁴⁵ Политрук Рогозин — сведений обнаружить не удалось.

⁴⁶ Петр Федорович Ушаков — красноармеец, боец 250 ВДП (воздушно-десантного полка) (*Списки награжденных*, л. 294 об., № 18).

⁴⁷ Из 12 однофамильцев, проходящих по документам ЦАМО, наиболее вероятен: Степан Кузьмич Агафонов (р. 1911) — лейтенант, зам. командира 2-го сабельного эскадрона 1-го гв. кавполка 1-й гв. кавдивизии (*Книга учета*, л. 49, № 118; 118, № 572).

⁴⁸ Афанасий Иванович Волковенко (р. 1907) — ст. лейтенант (*Ж. б. д. дивизии*, л. 298, № 47).

⁴⁹ Аркадий Васильевич Князев — полковник, командир 6-го гв. кавполка 1-й гв. кавдивизии (*Списки награжденных*, 102 об., № 20; 108 об., № 204; 120 об., № 592). «16 июня 1942 г. при штурме Варшавского шоссе погиб смертью храбрых» (*Ж. б. д. дивизии*, л. 96). О Князеве см. также: *Белов*, с. 206, 289, 340, 364.

⁵⁰ См. примеч. 20.

⁵¹ Виктор Кириллович Баранов — генерал-майор, с 14 марта 1941 г. командир 1-й гв. кавдивизии; с 10 июля 1942 г. по 9 сентября 1946 г. — командир 1-го гв. кавкорпуса (*Списки награжденных*, л. 15 об., № 19; *Альбом рейда корпуса*, л. 115—118). См. также: *Успенский*, с. 396.

⁵² См. примеч. 14.

⁵³ Александр Митрофанович Маслов — сержант, командир отделения эскадрона связи 1-го гв. кавполка (*Списки награжденных*, л. 159 об., № 183; 164 об., № 329). Участник беседы с Толстым в Калуге 23 июля 1942 г.

«Гвардеец-кадровик Маслов, смелый и самоотверженный в боях. Он уничтожил не один десяток фашистов. Образцовый делегат связи, примерный младший командир. Днем и ночью, в дождь и в пургу, под разрывами мин и снарядов, под градом пуль он всегда приносил приказанья в свой эскадрон. В тылу противника он (выполнял) самые ответственные задания» (*Альбом рейда корпуса*, л. 94).

⁵⁴ Акимов, младший лейтенант — сведений обнаружить не удалось.

⁵⁵ Измаил Айсович Курашинов (1909—1943) — ст. батальонный комиссар 11-го Краснознаменного Саратовского кавполка 1-й гв. Ставропольской кавдивизии им. Блинова (*Переписка*, л. 208, № 14; 235; *Списки награжденных*, л. 102 об., № 56; 108 об., № 212; 128 об., № 811; *Книга учета*, л. 173, № 876).

⁵⁶ Михаил Дмитриевич Трубников — ст. сержант, пом. командира взвода отдельного конно-артиллерийского дивизиона. Убит в 1943 г. (*Списки награжденных*, л. 277 об., № 68; 280 об., № 181). Участник беседы с Толстым в Калуге 23 июля 1942 г.

⁵⁷ Очевидно, описка. Ср.: «Сержант Трубников и наводчик Перегопенко проявили исключительную инициативу, они под снегом нашли части, отремонтировали дальнобойную 152-мм пушку. За неимением расчета они вдвоем, вместо двенадцати человек, набрали боеприпасов и открыли ураганный огонь по гор. Вязьма» (*Альбом рейда корпуса*, л. 95).

⁵⁸ Петр Ефимович Перегопенко — сержант отдельного конно-артиллерийского дивизиона (*Списки награжденных*, л. 203 об., № 115; 210 об., № 334).

⁵⁹ Сергей Васильевич Лукьянов — ст. политрук 1-го гв. кавполка 1-го гв. кавкорпуса, ответ. секретарь партийного бюро 1-го гв. кавполка. Убит 17 июня 1942 г. (*Списки награжденных*, л. 140 об., № 161).

⁶⁰ Валерий Михайлович Демидов — нач. штаба 2-й гв. кавдивизии (там же, л. 65 об., № 7; 71 об., № 203).

⁶¹ Из 12 однофамильцев наиболее вероятен: Михаил Степанович Шевченко (р. 1911) — ст. лейтенант, командир автоматного эскадрона, затем — пом. нач. штаба 108-го гв. кавполка 2-й гв. кавдивизии (*Списки*, л. 84, № 4; 227, № 4; Список потерь ком. и нач. состава частей 2-ой гвардейской Краснознаменной кавалерийской Крымской им. СНК УССР дивизии. — ЦАМО, 1ГКК, оп. 2, д. 15, л. 222; *Списки награжденных*, л. 323 об., № 33).

⁶² Гавриил Иванович Малинов (р. 1906) — подполковник, нач. штаба 108-го гв. кавполка 2-ой гв. кавдивизии, затем командир 7-го гв. кавполка (*Списки награжденных*, л. 156 об., № 75; 160 об., № 223; Список нач. состава 2-ой гв. кавдивизии (4, 5 и 6 категории) по состоянию на 5 января 1942 г. — ЦАМО, 1ГКК, оп. 1, д. 23, л. 14, № 18).

⁶³ Григорий Тихонович Бельченко — ст. батальонный комиссар, военком 4-го гв. кавполка 2-ой гв. кавдивизии (*Переписка*, л. 55; 93, № 6; *Списки награжденных*, л. 22 об.).

⁶⁴ Василий Андреевич Абанин — сержант (*Списки награжденных*, л. 2 об., № 39).

⁶⁵ Павел Федорович Кольванов (1905—1942) — капитан, командир 1-го сабельного эскадрона 5-го гв. кавполка 1-й гв. кавдивизии (там же, л. 111 об., № 309; *Книга учета*, л. 50, № 128).

⁶⁶ Василий Зиновьевич Верегитин (р. 1910) — мл. лейтенант, командир взвода комендантского эскадрона 10-го отдельного дивизиона связи (*Списки награжденных*, л. 39 об., № 22; в документе описки — Вереситин).

Из очерка П. Омельчука «Белавка» (в апреле 1942 г. на окраине села Белавка требовалось создать опорный пункт):

«Бой длился до вечера. Эскадрон перешел в почную атаку. Зажав пулемет в руках, спешил Михаил Абрамов (...) лейтенант Верегитин, партизанка Тамара своим криком «Вперед» подняли всех...

Первым столкнулся с врагом взвод Верегитина, сбив его, и позади оказались на скорую руку вырытые немецкие окопы» (*Альбом рейда корпуса*, л. 141, 142).

⁶⁷ Запись использована в рассказе «Ночью, в сених, на сене» (10, 592—593).

⁶⁸ Эта и все последующие записи сделаны Толстым в Штабе партизанского движения Западного фронта, располагавшемся в упоминаемом далее монастыре в г. Боровске. Там писатель беседовал с кем-то («Алекс. Иван.»), кто хорошо знал партизан и, в частности, — по предположению А. Ф. Юденкова, — был знаком с дневником, который вела и давала читать друзьям техницинтendant второго ранга 211-й воздушно-десантной бригады Клавдия Иванова Крылова.

⁶⁹ Костя Баранов, комсомолец, отремонтировал приемник у себя дома, и партизанам-подпольщикам «удалось организовать прием сводок Совинформбюро по радпо... По этим сводкам население узнавало правду о борьбе советского народа и его Красной Армии» (*Юденков*, с. 16).

⁷⁰ Петр Поликарпович Цимухович (Цимухович) — по данным Партийного архива Смоленского обкома (справка от 27 июля 1983 г., № 131), рядовой 2-го батальона партизанского полка им. Сергея Лазо. В справке архива сообщается о захвате населенного пункта Рябники партизанами полка им. Сергея Лазо: «Противник в этом селе сильно укрепился, имея в виду важное значение этого пункта в целях беспрепятственной эксплуатации Калужского большака. (...) Командир Цимухович П. П., член ВКП(б), личным примером, выдержкой и мужеством воодушевлял партизан на боевые подвиги. (...) В разгар боя Цимухович получил два тяжелых ранения и 25 марта 1942 года скончался в одном из партизанских госпиталей». По свидетельству А. Ф. Юденкова (в устной беседе) артист был мощного телосложения; в кинофильме «Петр I» он играл эпизодическую роль кузнеца, вступившего в пререкания с царем.

⁷¹ Деревни Самодурово, Саушкино (не Савушкино), Шевелево, Рябники и Старое Мутище (не Старые Мутищи) находились на территории Ельнинского района Смоленской области (см.: Административно-территориальное устройство Смоленской области. М.: Моск. рабочий, 1981). Неподалеку от деревни Старое Мутище располагался партизанский аэродром, который держал связь с Большой землей (см.: *Юденков*, с. 61).

⁷² Во время разговора в монастыре писатель слышит популярный русский романс «Тройка». А. Ф. Юденков рассказывает, что романс был в полку одним из самых любимых.

⁷³ Василий Васильевич Казубский (1906—1958) — мл. полптрुक, командир партизанского полка им. Сергея Лазо (*Списки награжденных*, л. 110 об., № 271). По профессии учитель, преподавал ботанику в Коробецкой средней школе Ельнинского района, директором которой был несколько лет (см.: *Юденков*, с. 3—5). После публикации рассказа Толстого «Как это началось» в «Красной звезде» (14 авг. 1942 г.) бывшие ученики В. В. Казубского прислали писателю письма-отклики (ИМЛИ, ф. 43, оп. 4, ед. хр. 289).

⁷⁴ Юдимов — Андрей Федорович Юденков (р. 1918).

Из предисловия Н. Павлова к книге А. Ф. Юденкова: «Автор очерка — Андрей Федорович Юденков, бывший комиссар полка имени Сергея Лазо, прошедший вместе с Казубским славный боевой путь». До войны «работал старшим пионервожатым в Леонидовской, Ельнинской, Коробецкой школах, а затем — инспектором политпросветработы Ельнинского районного отдела народного образования, был избран вторым секретарем райкома ВЛКСМ, учился заочно в Смоленском педагогическом институте» (Юденков, с. 7). В настоящее время — заслуженный деятель науки РСФСР, доктор исторических наук, профессор, преподаватель Академии общественных наук при ЦК КПСС. Живет в Москве. В «Рассказах Ивана Сударева» один из героев первоначально носил фамилию Юдимов, исправленную в дальнейшем на действительную — Юденков (10; 594—600, 686—687).

В тексте Толстого значительные расхождения с действительной биографией, а также внешним обликом А. Ф. Юденкова. Они объясняются тем, что во время калужской поездки Толстого его знакомство с Юденковым состояться еще не могло; это произошло уже после публикации первых «Рассказов Ивана Сударева». В. В. Казубский и А. Ф. Юденков, по свидетельству последнего, вышли из немецкого тыла только 2 августа и были направлены в качестве преподавателей в школу Западного фронта по подготовке кадров для борьбы в тылу врага, находившуюся в Барвихе на даче В. Д. Бонч-Бруевича, рядом с дачей Толстого. Одним из курсантов школы был, в частности, И. Ф. Титков; отсюда он и уехал на задание (см. примеч. 1 к вступительной статье).

⁷⁵ «Квентин Дорвард» — роман английского писателя Вальтера Скотта. В советское время (до 1941 г) выходил в 1928—29, 1936, 1937 гг. (см.: *Левидова И. М.* Вальтер Скотт: Био-библиогр. указатель. К 125-летию со дня смерти. М.: Изд-во Всесоюз. книжной палаты, 1958).

См. в «Рассказах Ивана Сударева»: «Генерал приказал достать побольше книг из местных библиотек, чтобы занять умы и сердца кавалеристов разумным чтением. Но на триста верст в окружности все библиотеки были уничтожены немцами, — удивительно, как у них хватило заботы сжечь столько книг. Нашелся только затрепанный роман Вальтера Скотта „Квентин Дорвард“. Генерал проглотил его в одну ночь... Затем книжка пошла по взводам и эскадронам для чтения вслух» (10, 609).

⁷⁶ О первых операциях партизан Толстой написал в рассказе «Как это началось» (10, 596).

⁷⁷ С кем именно разговаривал Толстой в Штабе партизанского движения, располагавшемся в помещении бывшей сельскохозяйственной школы на территории боровского монастыря, установить не удалось.